Девиз: «Отсюда и желание рыться в тайнах природы…» (Августин Аврелий)

Человечность и нравственность

Быть нравственным – это же не значит, быть нежным или заботливым, а тем более, любящим. Вот мама с нежностью заботится о своем непутевом сыне, убийце, грабителе или насильнике. По этому признаку о ней нельзя сказать, что она нравственна или безнравственна. Перед нами просто любящая женщина.

А вот человек справедливо возмущается поведением «ароматного» бомжа и изгоняет того из теплого подъезда в холод улицы. Оценивая поступок, нельзя уверенно сказать, что этот человек заботлив; что, прогоняя грязного бомжа, он заботится о здоровье и покое своих соседей и их детей. Нельзя уверенно сказать и обратное; что он бесчувственен, бесчеловечен, потому что обрекает бомжа на холод и, не исключено, на болезни и смерть. Зато можно быть уверенным, что ругающий бомжа человек поступает нравственно – ведь существует нравственная норма, по которой бомжу не место в подъезде приличного дома, бомжу надо идти в ночлежку.

Быть нравственным – значит следовать нормам, свойственным социальным институтам местного сообщества. Значит, поступать так, чтобы твои поступки были понятны другому, не вызывали у него неприязни, и чтобы ты сам получал удовлетворение от этих своих поступков. Ни в коем случае нравственность не предполагает, что каждому встречному ты можешь чесать спину только по той причине, что тебе всегда хочется, чтобы кто-то почесал твою спину. Сделай другому так, как ты хочешь, чтобы сделали тебе – в таком прочтении это вульгарный, а значит ложный, вариант золотого правила нравственности.

Быть нравственным можно, следуя принятым нормам. А вот человечным, заботящимся о близких людях, можно и нужно быть везде, независимо от местных нравственных норм. Причем, заботиться можно только о близких людях, и человечным в межличностных отношениях можно быть лишь по отношению к ним. По отношению ко всем остальным можно быть нравственным, и не более того.

Если обстоятельства сложились так, что ты можешь помочь незнакомому тебе человеку, подумай. Независимо от того, хочешь ты или не хочешь, своею помощью ты объявляешь во всеуслышание, что считаешь этого человека близким тебе. Причем, считаешь одним из слабых близких тебе людей, принимающих твою помощь. Поэтому не удивляйся, если вместо благодарности услышишь дерзость – ведь объявив человека слабым, ты мог оскорбить его.

Если же человек принял твою помощь, то он принял условия договора, по которому стал одним из близких тебе людей, слабых близких, с благодарностью принимающих твою заботу. Ты же дал обещание помогать ему в будущем, заботиться о нем как о близком человеке, о слабом близком. И все это без каких-либо слов. Все это само собою разумеется.

Не одно и то же – человечность и нравственность. О чем же хотел вести разговор человек, задавший вопрос «Возможна ли нравственность, независимая от религии?». О нравственности хотел говорить или о человечности?

Если речь идет о человечности, то ответ на вопрос очевиден: не религия диктует человеку характер человечности, характер его заботы о близких людях; ведь всякий человек может заботиться о другом по-своему, лишь бы тот, о ком заботятся, был согласен на такую заботу. Причастен ли заботящийся или опекаемый человек какой-либо церкви – несущественно.

Но есть одно обстоятельство. Социальные институты своими нравственными нормами накладывают ограничения на характер допустимой заботы человека. Необходимость следовать нормам, в частности, нравственным нормам церкви, ограничивает способы заботы о близких людях. Поэтому мы и утверждаем, что человечность не создается религией, не создается социальными институтами. Институты

лишь ограничивают людей в способах заботы о близких. Некоторые формы проявления любви, заботы, нежности могут оказаться безнравственными с точки зрения религии, политической партии, государства и т.п.

Когда речь идет о человечности, ответ на вопрос очевиден – характер человечности не зависит от религии.

Но, может быть, тот, кто задал вопрос «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», имел в виду претензию верующих людей на свою исключительную нравственность и человечность. Впрочем, говоря на чистоту, нравственными верующие считают не всех верующих людей, а только представителей своей конфессии. Своей нравственности верующие противопоставляют присущую атеистам и верующим других конфессий алчность, ярость, чревоугодие (и далее по списку, с вариациями).

Если заданный вопрос понимать так, то говорить-то особенно не о чем. Есть ханжество, лицемерие (церковное, а также партийное, чиновническое, собственническое, потребительское, и пр.), выискивающее пятна на чужих одеждах и снисходительно относящееся к своей нечистоплотности. Есть легко объясняемая психологами претензия на исключительность «своих» (потому что свои люди понятны, логичны, свои защитят) на фоне безликости и непонятности «чужих». Поэтому и выдается желаемое за действительное, представления о нравственности – за нравственность.

К примеру, живет чиновник-взяточник. До тех пор, пока он не пойман на взятках, его числит своим членом одна из политических партий, защищающая чистоту своих рядов; его считает своим прихожанином какая-либо церковь, пекущаяся о чистоте своей веры; он уважаем в рядах государственных служащих, блюдущих честь мундира. Но вот взяточник «погорел». Стала ли его партия «посыпать голову пеплом», признала ли себя социальным институтом, пораженным коррупцией, получит ли она меньше голосов на следующих выборах? Нет. В лучшем случае, она избавится от члена-взяточника. Так же поступит государственное учреждение, и его авторитет будто бы не пострадает. Церковь, скорее всего, не предпримет даже таких усилий. И ее авторитет не упадет, потому что социальный институт религии лучше других отлажен за многие века своего существования. Вместо аутодафе теперь в ходу гуманная техника покаяния.

О том, что подавляющее большинство верующих игнорирует ту саму нравственность, которая считается полученной от Бога, говорить не принято. А ведь корпус церкви составляют те же люди, которые являются членами партий, чиновниками государственных учреждений (коррумпированные тоже в их рядах). Церковь числит в своих рядах и не менее грешных предпринимателей, банкиров, служащих сервисных учреждений и организаций, торговцев и пр. Разве что эти люди становятся полностью нравственными в тот момент, когда на молитве просят поддержки?

Может показаться, что это кривая какая-то нравственность, если она появляется на короткое время, но на самом деле именно так все и происходит. Ощущение нравственности поступка зависит от места и времени. Нравственность относительна, потому что диктуется она социальными институтами, активность которых в разное время и в разных местах различна. В разных условиях люди приобретают разную нравственность, даже если влияют на их поступки одни и те же социальные институты.

Вот арифметика нравственного релятивизма: когда мы суммируем нравственные нормы, диктуемые социальными институтами (формально говоря, применяем одни и те же нормы, но с разными коэффициентами), получается некоторая нравственность «здесь-и-сейчас». Каждый может критически осмыслить свою нравственность, соотнести с любовью, нежностью, заботой, добротой, получив полную характеристику своей нравственности, дополненной человечностью. Причем, окажется, что человечность одного человека не похожа на человечность другого, потому что любовь у каждого своя, а нравственность многих людей похожа, поскольку их принуждают к поступкам одни и те же социальные институты.

Нравственный релятивизм неустраним, ведь социальный мир населен взаимодействующими социальными институтами, а не только общающимися людьми. Люди общаются в группах и, общаясь, образуют эти самые группы. А социальные институты взаимодействуют в структуре общества, и образуют общество. Человек способен что-то изменить в группе, но социальный институт этих изменений может и не заметить.

Нравственность человека зависима не только и не столько от нравственных норм обобщенного социального института, имя которому «религия», сколько от нравственных норм отдельного религиозного верования, одной церкви. Несовпадения нравственных норм разных церквей велики. Положение дел не спасают поиски исторического единства корней, не спасает общность ряда вероисповедных книг или попытки признания разными церквями единого и единственного Бога. Поступки, нравственные в одной церкви, верующим другой церкви могут видеться как откровенно безнравственные.

Нельзя пройти мимо авторитетного аргумента в пользу несомненной нравственности верующего, аргумента, исходящего из первых письменных свидетельств о божественных откровениях и сохраняющего свою силу до нынешних времен. Аргумент такой. Бог при рождении человека наделяет его нетленной душой и нравственностью, и если человек сохраняет в чистоте божественный подарок, его поступки никогда не будут позорить церковь. Этот религиозный романтизм построен на логике парадокса индукции – можно доказать возможность чего-либо, однажды показав на него пальцем, сделав его очевидным, но нельзя доказать невозможность того, чего вообще никогда не бывает. На этом логическом основании, приводя в качестве аргументов древние авторитетные свидетельства, можно сохранять неколебимую веру в нетленную душу и в божественную природу нравственности.

После публикации выводов Э.В.Ильенкова[1] из работ, которыми руководил А.И.Мещеряков, логически и экспериментально обоснованным может считаться только один вариант развития сложных форм психики человека – вариант поэтапного кумулятивного формирования личности «от простого к сложному», без допущений априорного знания и трансцендентных путей развития психики. От полного отсутствия сложных психических форм человек идет по пути малого приращения восприятия, сложности восприятия, сложности общения с окружающими, постепенно доходя до состояния личности, перенявшей все достижения культуры. Условие одно – должно быть обеспечено взаимное общение с людьми, сложные психические формы которых заранее сформированы.

Это открытие изменило условия доказательности божественного происхождения души и нравственности, потому что теперь есть экспериментальные данные, которые становятся научным фактом только при наличии теории. Достаточно апологетам веры разработать подходящую к случаю теорию, и существование Создателя и бессмертной души станет научным фактом. Опровержению веры в Создателя и в бессмертную душу мешает все та же индуктивная недоказуемость невозможности того, чего вообще никогда не бывает. Несмотря на то, что логическое опровержение невозможно, аргумент, несомненно, слаб.

А вот для абсолютной божественной нравственности места больше нет, потому что каждый малый шаг в развитии нравственности человека теперь можно контролировать в эксперименте – выводы, сделанные Э.В.Ильенковым, содержат в себе такую возможность.

---

[1] В частности, Мещеряков и Ильенков делают вывод, что психическая деятельность человека появляется в ходе приобщения человека «…к жизни в условиях исторически развитой культуры. Ибо только в ходе этого процесса (а не в результате биологического развития мозга) впервые возникают, а затем развиваются вплоть до самых высших уровней все без исключения специфически человеческие психические функции – сознание, воля, интеллект, воображение, способность понимать речь и говорить, способность «самосознания» и все остальное». Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. – (Мыслители XX века). С.30.

По поводу претензии верующих людей на свою исключительную нравственность и человечность, которую мог иметь в виду человек, задавший вопрос «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», наш вывод таков. Претензия не на чем теперь не основывается и носит ханжеский характер. Больше по этому поводу сказать нечего.

Другое дело ответ на прямолинейно понятый вопрос: «Возможна ли нравственность, независимая от религии?». Ответ мы постараемся дать подробный, разбив его для удобства на три фрагмента, каждый из которых мы начнем словами «Независимая от религии нравственность невозможна».

Первый фрагмент ответа.

Независимая от религии нравственность невозможна, потому что в социальном мире все взаимосвязано, и нравственные нормы религии (одного из основных социальных институтов) впечатываются не только в нравственность каждого человека, но и в нравственные нормы любого социального института. И наоборот, нравственные нормы каждого социального института, входящего в единую структуру общества, сказываются на нравственных нормах религии. Нравственность – это характеристика человеческих поступков, зависящая сразу от всех социальных институтов, и от религии тоже; и никакой социальный институт из этого списка вычеркнуть нельзя.

Социальных институтов много, их нравственные нормы различны, и сказать: «Вот нравственный поступок, вот какова нравственность!» мы можем только в том случае, когда ни одна из дополняющих друг друга нравственных норм не нарушена. По этой причине считать какой-либо поступок одновременно нравственным и независимым от религии мы не можем: в структуре общества у религии есть свое место. Нравственность не может существовать ни без религии, ни без политики, ни без каких-либо других социальных институтов. Все они мотивируют человека, направляют его поступки.

Нравственность развивается, когда развивается общество. Но нет оснований для того, чтобы называть безнравственным поведение людей, в наше время живущих племенами на отдаленных островах. Общество этих людей существенно проще устроено, чем общество, в котором жизнь организует государство. Но их общество стабильно, многие тысячи лет существует все на тех же островах, все в том же виде, потому что управляется хорошо сбалансированными нравственными нормами. В племенном обществе все социальные институты взаимообусловлены, а люди предельно нравственны, оттуда и стабильность.

Есть в племени социальные институты межличностного общения, которые нормируют общение между мужчинами и женщинами, между старшими и младшими; нормируют отношение к больным, беременным, старым, к малым детям. Это лояльные к людям нормы, направленные на выживание каждого члена племени.

Есть в племени социальные институты власти, которые нормируют организацию работ в племени – охоту и рыбную ловлю, сбор плодов, строительство необходимых для жизни сооружений, защиту интересов племени в конфликтах с другими племенами. Институты власти нормируют поведение людей при организации обрядов, при изготовлении и потреблении пищи, при подготовке действий в нестандартных ситуациях. Нравственные нормы социальных институтов власти жестки и бесчеловечны. Они обеспечивают выживание племени, а не человека в племени.

Есть в племени социальные институты мировоззренческого толка, нормирующие решение стратегических задач. Эти социальные институты организуют общение людей с духами природы. Хорошо налаженное общение с духами обеспечивает высокое качество жизни в племени, потому что позволяет своевременно менять тактику жизни, когда меняется активность духов.

Каждый социальный институт каждому жителю племени диктует свои нормы нравственности. Следование нормам каждым человеком воспринимается как потребность. Сделал как надо – чувствуешь удовлетворенность. Не сделал – чувствуешь стыд. Поскольку контакты между племенами нечасты, влияние чужих нравственных норм на

поведение людей в племени ничтожно. Отсюда доминирующая бесконфликтность существования в племени. То есть, люди племени нравственны в такой степени, в какой нам, жителям государств, нравственными никогда не быть: на нас более или менее влияют социальные институты самой разной направленности, имеющие самые разные нравственные нормы. Отсюда и высокая вариативность наших поступков, и частые конфликты представлений о нравственности.

Радикальное изменение структуры общественных отношений племени становится возможным при появлении условий, в которых племенная форма жизни становится неэффективной, неконкурентоспособной. Монотонное изменение численности людей в племенах не создает таких условий. Межплеменные конфликты периодически восстанавливают оптимальную численность племен на территории, а в племенах восстанавливают оптимальную численность населения, адекватную природным условиям.

Дальнейшее развитие структуры общественных отношений становится возможным при миграциях, вызванных природными катаклизмами. Только в условиях совместной борьбы за выживание людей (новая стратегия, новый характер задач, изменившиеся нравственные нормы мировоззренческих социальных институтов, институтов третьего уровня) конкуренция между племенами уходит на второй план. В структуре общества совместно мигрирующих племен формируются социальные институты межплеменного и внутриплеменного разделения труда и дополняющие их социальные институты дарения-обмена-торговли. В результате, естественным образом создаются города – центры торговли. На некоторых пустынных территориях Африки и Азии и сейчас можно наблюдать процессы, сопровождающие становление архаичных городов, формирующихся вокруг мест торговли.

Городская форма жизни не просто составила конкуренцию племенной форме, она подчинила себе племена, включила их в единую пятиуровневую структуру общества. Разнообразие социальных институтов увеличилось. Как и в племени, в городе социальные институты межличностного общения находятся под регулирующим влиянием социальных институтов власти. Но под влиянием мировоззренческих социальных институтов, реализующих новую стратегию, социальные институты власти ограничивают свое давление на производителей продукции. Поэтому социальные институты производства продукции, получившие хорошие условия для развития, образуют новый уровень структуры общественных отношений, который занимает место над уровнем власти.

То есть, социальные институты производства в городской структуре общества оказываются третьим уровнем. Первый уровень – социальные институты межличностного общения, второй – социальные институты власти, третий – социальные институты производства. Четвертый уровень в структуре городского общества занимают социальные институты торговли, экономических отношений. Пятый, то есть, верхний уровень в структуре городского общества, занимают мировоззренческие социальные институты, формирующие стратегию получения прибыли в торговле и в производстве продукции.

Социальные институты производства обеспечивают своей продукцией новое качество жизни населения, ставя, как и социальные институты межличностного общения, человека во главу угла. Социальные институты торговли регулируют производство, делая максимальной прибыль. Они действуют в интересах общества, в интересах города, не щадя людей, позволяя им гибнуть. В интересах общества позволяют гибнуть людям и социальные институты власти.

В условиях города сформировалось общение с богами, занявшее место общения с духами, формировавшего стратегию жизни племени. Духи делали возможным влияние человека на природу, успешное выживание человека в природе. Структура города позволила людям частично защититься от природы техникой и технологиями. Общение с духами потеряло актуальность. Самой незащищенной от природных угроз стала судьба человека.

Профессиональная принадлежность человека в структуре города определялась сразу по рождению. В том цехе, где живут и трудятся родители, скорее всего, судьба вырасти и состариться их ребенку. В пределах цеха можно быть успешным в большей или меньшей степени. Зависит это не только от усердия, с которым человек работает, но от усердия, с которым он поклоняется профессиональному богу – от благоволения бога. Отсюда многобожие. Чтобы быть нравственным, человек города не должен забывать бога. Он и не может это сделать, потому что нравственные нормы, формируемые у него с самого рождения, дают ему удовлетворение в тех случаях, когда он следует нормам, и вызывают чувства стыда, когда нормы нарушены.

Правда, город позволяет каждому человеку предпринимать отчаянные попытки менять свой социальный статус, а иногда, в силу периодически возобновляющихся военных действий, вынуждает менять статус. В результате, человек может сменить бога, которому он служит, сменить акцент в своих нравственных нормах. Но и в тех случаях, когда человек верен своему богу, в структуре его личности находится место многим нравственным нормам, культивируемым в других профессиональных сообществах, потому что город открывает людям дорогу к широкому межличностному общению.

Следующим большим шагом в развитии общества стало новое изменение стратегии мировоззренческих социальных институтов, вызванное повышением давления все возрастающей плотности городов и населения в городах на нравственные нормы социальных институтов города. Так же, как производство, дополненное торговлей, было новой стратегией в условиях миграции племен, так и социальное выравнивание, дополненное формированием элит, стало новой стратегией в условиях миграции народов.

Среди социальных институтов, нравственные нормы которых ориентируют человека на социальное выравнивание, изначально самыми яркими и успешными были социальные институты монотеистических религий. Равенство верующих в Боге и в церкви позволяло организовывать и успешную торговлю, и успешное производство. Оно же стало эффективной основой для формирования нового социального института – государства.

Теперь в структуре общественных отношений социальные институты распределены по семи уровням. Уровни с первого по четвертый остались такими же, какими были в структуре города, пятый уровень заняли социальные институты социального выравнивания, шестой – социальные институты элиты, а седьмой уровень, высший, занимают все те же, но качественно изменившиеся за многие тысячелетия развития общества, мировоззренческие социальные институты, формирующие социальную стратегию.

Люди в государстве стали заметно мобильнее, чем в городе. Изменение социального статуса стало скорее нормой, чем исключением: этому способствует церковное братство, этому способствует миграция людей внутри государства. Поэтому цеховые боги растеряли свою социальную среду. Единый Бог, владетель всякой духовности, всякой нравственности, стал центральной фигурой истории. Общение с Богом естественным образом стало доминировать в мировоззренческих социальных институтах.

Если в племени общение едино, если в городе можно на время сделать общение единым, собрав на площади общающихся представителей всякого цеха и всякого рода в городе, то в государстве единство общения достижимо только в личности человека, в его модели общества, включающей в себя нравственные нормы основных социальных институтов государства. Но везде и всегда поступки человека оказываются связанными со всей структурой общества, со всеми социальными институтами и их нравственными нормами. Именно поэтому независимая от религии нравственность невозможна: нравственные нормы религии впечатываются в нравственность каждого человека. Нравственность зависит от всех социальных институтов, и от религии тоже.

Это был первый фрагмент ответа на прямолинейно понятый вопрос: «Возможна ли нравственность, независимая от религии?».

Второй фрагмент ответа.

Нравственность, независимая от религии, невозможна, потому что именно религия в своем историческом развитии долго была единственным социальным институтом, консолидировавшим вокруг себя общество.

В каждом племени есть собственный корпус мифов об устройстве мира. Ведущая роль в сотворении мира, в сопровождении его развития и в поддержании современного существования обязательно принадлежит племенным духам.

Особую ценность для жизни племени представляет знание характера каждого духа, его повадок, знание признаков, по которым можно распознать намерения духа. Это своеобразная наука, сакральная наука. Ее отличие от классической науки в полном игнорировании теорий и в абсолютизации методов, дающих практические результаты. Кроме своеобразного научного знания, богатством племени являются технологии ведения диалога с духами и защиты от духов. Хорошие технологии помогают в охоте, в поддержании здоровья, в увеличении численности племени, в получении урожая, в войне и пр. Сакральная наука, плюс хорошие технологии – получается надежная защита людей от опасностей природы.

Защита настолько хороша, что на небольших островах Индийского океана десятки тысячелетий живут племена, успешно выживающие в условиях часто повторяющихся землетрясений, ураганов и цунами[2]. Потери людей племени в природных катаклизмах – явление редкое, потому что умение понять намерения духов, дополненное технологиями обмана и противостояния агрессии, успешно защищает людей.

Вся жизнь племени оказывается зависимой от того, адекватны ли свойствам природы представления людей о ду́хах (архаичная сакральная наука), и от того, насколько успешно представления о духах воплотились в технологиях общения с ними.

Появление городов с их пятиуровневой структурой общества открыло путь светской науке, прежде всего, в форме науки цеховой, развивавшейся одновременно с наукой сакральной. Все блага цивилизации появились в результате отхода цеховой науки, создававшей промышленную продукцию, от сакральной науки. Цеховая озадачилась получением практических результатов, получением максимальной пользы, а сакральная (в виде астрологии, хиромантии, нумерологии, физиогномики и других вариантов предсказательных наук) занялась изучением человеческих судеб, диалогом с богами, формированием представлений о гуманности.

Религию стала интересовать проблема человечности в общественных отношениях. Изучая пути к достижению гуманности, религия города оставалась социальным институтом, диктующим верующим свою нравственность во всем, и во взглядах на гуманность тоже. Попытки сакральной науки изучать условия, в которых человеку становится лучше жить, сами по себе образовали начальный вариант корпуса гуманитарных наук. Гуманитарные науки повлекли за собой оформление мировоззренческих наук, а те, в свою очередь, дали толчок развитию наук о природе, вначале обобщенных наук о природе, а потом и частных.

Второй путь к развитию частных наук физического ряда пролегал через развитие цеховой науки, келейно формировавшей разрозненный массив знания о физических свойствах тел и процессов. Переход от городской формы организации жизни к государственной, в которой центральное место занимают механизмы объединения в целое разрозненных и разбросанных по городам частей единого тела государства, разрушил келейность цеховой науки. Наука приобрела кастовый характер, ее знания стали доступны во всех углах государства, но узкому кругу людей. Впоследствии, под давлением клерикальной науки, кастовая наука стала основой для формирования науки классической.

Становление и развитие клерикальной науки стало последним актом в большой и чрезвычайно значимой для развития человечества истории сакральной науки. С одной

---

[2] Сообщения об этом в Интернете: http://www.e1.ru/news/spool/news_id-205280-section_id-17.html и http://www.ethnolife.net/Pages-print-1.html

стороны, клерикальная наука задала стандарты стремления к истине в науке, она сформировала примат теории над методом, и тем самым сделала все, чтобы наступил плодотворный период классической науки. С другой стороны, клерикальная наука оказалась неспособной преодолеть естественный барьер религиозных догм, концентрировавших в себе влияние нравственных норм социального института религии. Создав условия для получения истинного знания, она остановилась и объявила догмы истиной.

Социальный институт религии, развиваясь, вытянул за собой науку, и прежде всего, науку гуманитарную. Гуманитарная составляющая науки нас интересует «прежде всего», потому что она несет в себе человечность, гуманность, дополняющую собою нравственность. Только вместе присущие человеку гуманность и нравственность делают его достойным своего исключительного положения на планете Земля. Человек проявляет свою гуманность не только в заботе о близких людях, но и в познании природы, особенно в познании своей собственной гуманной природы.

Человек мыслит не только сам по себе, не только в поиске лучших решений стоящих перед ним жизненных задач, не только защищая себя от опасностей природы. Он мыслит в интересах близких ему людей, в интересах социальных институтов и групп. Успешно защищать общество от опасностей природы может только тот, кто способен мыслить гуманно. Но ведь есть еще и необходимость мыслить в интересах природы. Понять все происходящее в природе, найти решения задач, смысл которых в начале поиска не до конца ясен – человек способен на это, и только он в мире, доступном нашим исследованиям, способен на это.

Природа обладает способностью мыслить, она обладает душой, потому что человек – часть природы, а у него точно есть и способность сопереживать, и способность мыслить. Религия отстранила себя от науки, обнаружив расхождение между догматическими представлениями о мире, своими нравственным нормам, и результатами научных исследований. Но она проложила путь, по которому развивается наука. По этому же пути человек идет к выполнению своей миссии, которую вряд ли сможет когда-либо понять до конца – быть ответственным за состояние природы, космоса, Вселенной.

Именно поэтому не только в каждом нравственном поступке человека, но и в каждом гуманном, человечном поступке, остается след долгой истории развития религии. Невозможна независимая от религии нравственность, потому что религия передала человеку и науке свое отношение к миру, устремленное к поиску истины.

Это был второй фрагмент ответа.

Теперь третий и последний фрагмент ответа на прямолинейно понятый вопрос: «Возможна ли нравственность, независимая от религии?».

Нравственность, независимая от религии, невозможна, потому что в диалоге общества с человеком именно человек заботится о мире (а каждый социальный институт заботится только о себе), и по этому признаку человек все явственнее приобретает черты богочеловека.

Многие миллионы лет на планете Земля существуют живые существа, проявляющие социальные свойства и свойства интеллекта, разные по сложности. Столько же существуют и социальные институты, которые, развиваясь, создали все видовое разнообразие социальных живых существ. Среди прочего, они создали человека, и сами приобрели свойства, соответствующие свойствам человека.

Социальные институты, нормирующие жизнь людей, развиваются так, как развиваются довольно простые живые существа. Каждый институт имеет свое место в структуре общества, на одном из семи уровней. Каждый в этой структуре единственным для него образом связан с другими социальными институтами. Каждый имеет среду конкурирующих с ним социальных институтов, проявляет в этой среде активность, борется за место, побеждая или погибая. Похоже на активность какого-нибудь репейника, выросшего на лугу.

Многие тысячелетия социальные институты диктовали людям поведение, выгодное для самих социальных институтов, но невыгодное для людей. Выстраивая свои взаимоотношения, социальные институты придают динамику структуре общества, и там, где два или большее число институтов претендует на одно и то же место в структуре общества, формируются условия для конфликтов. Впоследствии, в результате реакции всей структуры общества, конфликты становятся войнами.

В условиях племени каждый социальный конфликт становится войной, быстро заканчивающейся созданием порядка, устраивающего все стороны конфликта. Конфликты племен не приводят к большим потерям. Они восстанавливают многовековой статус-кво в отношениях племен.

В условиях города войны начинаются реже, потому что существенную роль в отношениях между городами играют политические соглашения. Структура общества получает возможность дольше противостоять изменениям, вызываемым внешними силами. В результате, войны становятся редкими, но кровопролитными. Уничтожение большого числа людей в результате конфликтов между социальными институтами превращается в норму.

Политические соглашения, договоры между властными структурами разных городов – это тоже социальные институты. Они дополняют структуру общества, делают ее частично защищенной от изменений, позволяют долго тлеть латентным конфликтам, не выливающимся в войны. С одной стороны, это позитивная сторона развития общества, позволяющая структуре общества совершенствоваться в условиях мирной жизни, позволяющая противостоять кровопролитным войнам. С другой стороны, если войны начинаются, а они временами начинаются, то жестокость их растет. Люди же по-прежнему остаются расходным материалом конфликтующих социальных институтов.

В условиях государства естественное развитие структуры общества, массово приносящее людей в жертву общественным отношениям, приобретает откровенно мизантропический характер. Государственные образования получают возможность надолго обеспечивать мир своим гражданам, формируя договорные отношения с другими государствами, создавая организации, целенаправленно поддерживающие стабильность в обществе и стабильность в межгосударственных отношениях. Но латентное развитие конфликтов между социальными институтами не прекращается при мирном развитии событий. Структура общественных отношений какое-то время сдерживает конфликты, но однажды они превращаются в открытые столкновения, в длительные войны, вбирающие в себя многие миллионы людей и отбирающие у них миллионы жизней.

Это естественное развитие и естественное усложнение структуры общественных отношений. Причем, происходит оно на фоне развивающейся техники ведения войны. Разрушительные возможности оружия прирастают, знание, позволяющее производить новое оружие, распространяется по миру. Чем дольше скрыт социальных конфликт в структуре общественных отношений, тем разрушительнее он может стать, если станет войной.

В этих условиях контролировать состояние общества могут люди, в своих поступках опирающиеся не только на нравственные нормы социальных институтов, но и на свою личную человечность. Это не та гуманность, которую проявляет человек в отношениях с близкими людьми. Не тот масштаб. Здесь может помочь только человечность, созданная наукой, познающей природу и формирующей способы противостояния опасностям природы.

Социальные институты инертны, потому что каждый из них зависит от поступков множества людей и не меняется без изменения большинством людей своих поступков. Поступки людей, в свою очередь, зависят от нравственных норм этих же социальных институтов, и тоже не склонны меняться, потому что согласованное состояние нравственных норм каждого человека поддерживается единством структуры общества. А

еще, социальные институты не способны преодолеть ограниченность своих нравственных норм, а значит, характер их активности может успешно прогнозироваться человеком.

Инертность и прогнозируемость социальных институтов позволяют людям так влиять на их активность, чтобы развитие структуры общественных отношений перестало быть безгранично естественным, чтобы к естественности добавилось регулирование в интересах человека, каждого человека. Не социальные перевороты, в которых разрушается и нравственность, и человечность, должны стать основой регулирования структуры общества, а осмысленное людьми создание новых социальных институтов и столь же осмысленное регулирование активности институтов существующих.

Заключая все три фрагмента, совместно образующих ответ на вопрос «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», скажем, что нравственность, независимая от религии, невозможна. Причина в том, что социальный институт религии является неотъемлемой частью единой структуры общества, создающей нравственность человека; что человек может управлять обществом и природой благодаря науке, созданной религией; что человек все явственнее вовлекает в сферу своей ответственности и общество, и природу, берет на себя ответственность бога, ответственность за весь мир.

Противостоять экономическим кризисам, войнам, эпидемиям, природным катастрофам и многим другим угрозам люди могут, но для этого недостаточно быть нравственными. Надо преодолеть ограниченности любых нравственных норм, в том числе и нравственных норм религии, а в основу гуманной критики структуры общества надо положить начатую когда-то религией заботу о человеке, обществе и природе.

Наступило время, когда актуальным становится призыв: «Человек, если ты хочешь оставаться человеком, постарайся стать богом!»